

18+

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ
ДЕРЕВЯНКО

ЗАБАВЫ КРАСНОГО СОЛНЫШКА

Михаил Деревянко

Забавы Красного Солнышка

<https://litres.ru/74151964>

ISBN 9785007012904

Аннотация

История любви киевского князя Владимира и византийской принцессы Анны. Все главные герои и события, связанные с крещением Древней Руси, соответствуют историческим источникам. Книга написана живым лёгким языком в приключенческом жанре и предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Забавы Красного Солнышка	5
ЗАБАВА ВТОРАЯ	10
ЗАБАВА ТРЕТЬЯ	18
ЗАБАВА ЧЕТВЕРТАЯ	25
ЗАБАВА ПЯТАЯ	34
ЗАБАВА ШЕСТАЯ	43
ЗАБАВА СЕДЬМАЯ	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Забавы Красного Солнышка

**Михаил Андреевич
Деревянко**

© Михаил Андреевич Деревянко, 2026

ISBN 978-5-0070-1290-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Забавы Красного Солнышка

ЗАБАВА ПЕРВАЯ

Княжеский пир

— Наложниц! — взметнул великий князь левую руку.

Призыв Владимира вызвал у всех бурю восторга.

— Наложниц! — весело подхватила младшая дружина.

— Наложниц! — заорали изрядно захмелевшие бояре.

— Наложниц! — взревели пьяные викинги, только что

прибывшие в Киев во главе с ярлом Олафом.

В их честь и был устроен этот пир.

— Наложниц! — громогласно пронеслось по огромному терему, вырвалось на полный веселья княжеский двор, прокатилось по гуляющему Киеву, пролетело над тихим Днепром, подняв с воды тучи уток.

И тут же задули дудки, засвистели свистки, загудели сапели, заиграли гусли. В одно мгновение горница наполнилась танцующими полуобнаженными наложницами. Кого тут только не было! Вокруг пьяных варваров, как змеи, извивались и синеокие славянки, и кареглазые иудейки, и смуглые печенежки, и белокудрые варяжки, и быстроногие хазарки, и пышнотелые гречанки... Лица и воинов, и купцов, и бояр приобрели удивительно похожее выражение ничем неприкрытой похоти. Взгляды сами собой тянулись к жен-

ской плоти. Если гостей что и сдерживало, то только то, что великий князь еще не подал условный знак. Однако Владимир не спешил.

— Выбирай, — предложил он Олафу.

Наложницы со всех сторон окружили викинга, стараясь обольстить его ослепительными улыбками и обнаженными прелестями. Тот отмахнулся от них, как от назойливых мух:

— Идите прочь.

— Почему? — изумился киевский князь, словно отмахнулись не от наложниц, а от него самого.

— Не хочу.

Владимир от обиды едва сдержался. Из кожи лез, чтобы угодить боевому другу, с которым бок о бок проплавал два года на одном драккаре по бурным морям. Они опустошили не одну цветущую провинцию, захватили и разорили десятки городов, не раз смотрели смерти в глаза, выручая друг друга. Тогда Владимир был лишь прилежным учеником неукротимого ярла. Сейчас он с помощью того же Олафа вознесся почти до небес и хотел блеснуть перед варягом богатством, роскошью и щедростью. Столы завалили изысканными яствами, из подвалов выкатили бочки с самыми лучшими винами, со всей Руси собрали самых красивых наложниц. А Олаф даже бровью не повел. Все-таки друзья доставляют нам больше переживаний, чем враги. Будь на месте Олафа кто-то другой, не сносить бы ему головы.

А пока Владимир упрямо повторил вопрос:

— Почему?

Вообще-то предыдущий ответ был вполне самодостаточно, но ярл снизошел до разъяснений:

— Они мне не нравятся.

Владимира передернуло, как от удара меча.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что знавал лучших красоток?

— Значительно!

— Что значительно?

— Значительно лучших!

Глаза юного киевского князя ярко вспыхнули. Он был уже без ума от тех созданий, хотя никогда не видел их, не знал, кто они, и даже сомневался в их существовании. Короткой командой он бросил всех наложниц в объятия верной дружины, а сам, забыв все обиды, устроил Олафу допрос с пристрастием.

— Ну и где же ты их встречал?

Взглянув на Владимира, ярл расхохотался.

— Ох, и горяч же ты, князь. Так горяч, что и рассказывать опасно. Так что, пожалуй, ничего я тебе не скажу.

— Это почему же?

— Потому что, клянусь Одним, ты тут же помчишься за ней хоть на край света.

— Ну и помчусь. Тебе что за дело?

— Меня это не устраивает, потому что я не люблю пить в одиночку. Будь здоров, князь!

Ярл поднял огромный кубок, наполненный до краев, и осушил его залпом. Владимир несолидно ерзал от нетерпения на огромном княжеском дубовом кресле, и как только Олаф сделал последний глоток, выпалил:

— Да ты мне просто завидуешь. А от наложниц отказываешься, чтобы не опозориться.

Ярл едва не задохнулся от гнева. Рука непроизвольно потянулась к мечу, но, к счастью, по местному обычаю, оружие перед пиром обязательно снимали и складывали в кучу возле дальней стены. И видно, не зря.

— Это я... завидую!? Это я... не могу!? Да весь твой гарем не стоит самой последней византийки!

— Их у меня не один десяток, — невозмутимо возразил Владимир. — Даже одна из жен — гречанка.

— Нашел с кем сравнивать! Посмотри, в кого их здесь превратили.

Благородные мужи прервали спор и внимательно осмотрели горницу. Вокруг творилось такое, что ни словом сказать, ни пером описать.

Однако Владимира это нисколько не смутило.

— А что, разве в Царьграде как-то не так? Или у них попки не такие?

Ярл еще раз осмотрел горницу.

— Да вроде бы ничем не отличаются.

— А сиськи?

— И... сиськи.

— А орут также?

Олаф вслушался.

— Да-а-а-а!

— Тогда я ничего не понимаю.

— И я, — признался викинг, — но я знаю одно: когда я увидел принцессу Анну, меня охватил такой восторг, будто это был сам Один. А здесь даже блевать противно. Пойдем-ка на свежий воздух.

— Пойдем, пойдем, — согласился Владимир и уже по дороге поинтересовался:

— Принцесса Анна? И что, она в самом деле такая красавица?...

ЗАБАВА ВТОРАЯ

«ИДУ НА ЦАРЬГРАД»

На следующее утро молодой князь ни свет ни заря стремительно влетел в опочивальню родного дядьки Добрыни. Тот только что прилег после бессонной ночи, когда окончательно убедился, что драк и мордобоя больше не будет, так как все дошли до состояния полной неподвижности. Однако сомкнуть глаза Добрыня не успел.

— Дядька! Ты еще дрыхнешь?! Сколько можно!? Вставай! Нас ждут великие дела!

От такого бурного натиска и напора не устоял бы никто, и Добрыня с тяжелым вздохом поднялся с постели.

— Что стряслось, княже? Уж не пожар ли?

Голос у воеводы был сонным и чуть насмешливым. Вчера он слышал весь спор Владимира с Олафом и прекрасно понимал, отчего юный князь столь нетерпелив. Добрыне было важно знать, насколько осознает причину своего возбуждения сам Владимир.

А тот даже не заметил насмешки в словах дядьки.

— Стареешь, Добрыня. При чем здесь пожар? Я же сказал: «Великие дела».

Воевода притворно взмахнул руками:

— Неужто в поход собрался?

Князь подбоченился и горделиво выпятил грудь:

— И угадай, куда?

— Не на Царьград ли?

— Ну, ты не дядька, а ума палата.

Добрыня протяжно зевнул и снова залез под одеяло.

— Стоило ли из-за этого будить. Ну и когда выступаешь?

— Немедля!

— Тогда не болтай попусту и не теряй время зря. Жду тебя с победой.

До сих пор великий князь подобно пандусу метался по горнице, а тут застыл, как вкопанный.

— Как!? А ты?

— Стар я уже для таких походов. Позволь мне, княже, в Киеве остаться.

— Но ты же — главный воевода!

— Славных воевод и без меня хватает. А вот Киев нельзя оставлять без присмотра. Да и печенег не дремлют. Ты тогда мал был, да вряд ли забыл их нашествие, когда Святослав ушел с дружиной в Византию.

Владимир обиженно развел руками:

— Что же делать? Без тебя я не возьму ни Царьграда, ни принцессы.

— Так вот в чем дело, — оживился Добрыня, — тебе нужна не Византия, а принцесса Анна, сестра императоров Василия и Константина.

— Да, дядя, жить без нее не могу!

— Но ты же ее в глаза не видел!

— Ярл Олаф сказывал, что она краше солнца.

— Олаф — дикарь, — возразил Добрыня, — для него все красиво, что блестит.

Воевода бодро прыгнул с постели, став босыми ногами на огромную медвежью шкуру, и торжественно обратился к великому князю:

— Владимир, а вдруг она нетак красива? А вдруг не так хороша?

— Принцесса!?! Быть такого не может! Она же дочь красавицы Феофано, самой прекрасной женщины во всем свете.

— А полоцкая княжна Рогнеда?

— А что Рогнеда?

— Помню, о Рогнеде ты сказывал то же самое, что теперь молвишь об Анне.

— Да, она красива, но согласишься, дядя, что нрав у нее ужасный.

— Но чтобы это узнать, нам пришлось сжечь Полоцк. Не слишком ли большая цена?

— Ты еще и гречанку Юлию вспомни, — огрызнулся Владимир.

— А как же. И красива, и сладка. Ради нее Киев захватили, Ярополка порешили. И что? Гречанка теперь тебе и даром не нужна.

— Ну и что, — возразил Владимир, — зато теперь подомной и Полоцк, и Киев.

Добрыня расхохотался.

— Нет, княже, с Царьградом этот номер не пройдет.

— Еще как пройдет! Дружина у меня, сам знаешь какая.

— Дружина у тебя крепкая, но с дружиной Святослава и сравнивать нечего.

— Рать наберем несметную, — не сдавался Владимир.

— Рать на корабли не посадишь. Хотя бы дружина поместилась.

— Варяги пойдут с нами.

— Варяги пойдут с теми, кто даст больше злата. А у Византии его поболее твоего будет. Ты же с варягами еще за Киев не рассчитался.

Юный князь зло скрипнул зубами.

— Как же мне добыть хотя бы принцессу!?

Добрыня едва заметно ухмыльнулся.

— Для этого вовсе не обязательно брать на щит эту столицу мира. Пора, княже, отвыкать от варварских замашек. Под твоей рукой столько земель и народов, что и не сосчитать. Вряд ли Константин и Василий осмелятся отказать великому киевскому князю в его маленькой просьбе.

С каждым словом Добрыни осанка Владимира становилась горделивее, голова задиралась все выше и выше, а взор вот-вот должен был прожечь дубовую балку под потолком.

— Так и быть, с Царьградом повременю, но принцессу ты мне добудешь.

— Ни за что!

— Это почему же? Иль моя воля для тебя уже не указ?

Рука Владимира красноречиво легла на рукоять меча. Однако Добрыня лишь устало вздохнул:

— Княже, сколько воинов рисковало жизнью, чтобы добыть тебе занобу. Как теперь выяснилось, ни одна из них тебе так и не приглянулась. Потому до тех пор, пока не скажешь, что люба тебе принцесса, пальцем о палец не ударю. Хоть убей.

Тот лишь недоуменно развел руками:

— Не поеду же я в Царьград на смотрины. Привези, покажи — тогда и скажу.

Добрыня осуждающе покачал головой.

— Великий князь, а рассуждаешь, как малое дитя. Принцесса Анна — не уличная девка и не просто принцесса, а Царьград — не просто град. С Анны не спускают глаз сотни людей. Царский дворец охраняют так, что мышь не проскочит. Город наводнен царскими лазутчиками. Каменные стены со всех сторон защищают Царьград. Они столь высоки, что подпирают облака. Бухта Золотой Рог и сам пролив перегорожены железными цепями. Принцессу не то что похитить — увидеть невозможно.

Владимир гневно сверкнул очами:

— Но ты же сам молвил, что ни Василий, ни Константин не посмеют мне отказать. Снаряжай посольство в Царьград!

— Не кипятись, княже. Отказать они не посмеют, но и согласия не дадут.

— Это почему?

— Ты не их веры. Даже царь не посмеет отдать сестру за иноверца. Чтобы взять Анну, ты должен будешь принять византийскую веру.

Князь с размаху грохнул кулаком по дубовому столу.

— Нет! Этому не бывать! Я не могу поверить во Христа. Он даже не смог за себя постоять!

— Вот и подумай, стоит ли менять веру из-за принцессы.

Зло взглянув на воеводу, Владимир заметался по горнице, словно сокол в клетке. Красное полотнище княжеского плаща развевалось за плечами Владимира, словно стяг. У Добрыни аж в глазах зарябило. Все еще в нижнем белье стоял он на огромной медвежьей шкуре и чем-то был похож на апостола Петра, бредущего по волнам. Понимая состояние князя, он решил отвлечь его разговором на религиозную тему:

— А насчет Христа не так все просто. Когда-то такой же вопрос я задал твоей светлоголовой бабке великой княгине Ольге.

Юный князь резко повернулся к воеводе.

— И что она ответила?

— Она сказала, что смирение и покорность, умение терпеть самые страшные обиды и есть высшее и непревзойденное мужество.

Владимир хмыкнул.

— Что-то больно мудрено. Хотя все ясно: к Христу тянутся слабые телом и нищие духом. Взять хотя бы того же Яро-

полка. О своей бабке я и не говорю: баба — она и есть баба.

— Насчет Ярополка ты прав, а вот на великую княгиню напраслину возводишь, — возразил Добрыня. — Она хоть и баба, но ни одному мужу ни в чем не уступала. Сам знаешь, как сожгла она Искоростень и как закопала в землю всю древлянскую знать во главе с самим князем Малом. А ведь Мал был ей вовсе не чужим...

— Знаю, знаю, — буркнул Владимир, — ты уже тысячу раз рассказывал, как моя бабка взяла к себе тебя и Малушу, как хотела обратить в византийскую веру, как вступился за вас мой отец Святослав, как в итоге этого заступничества я и появился на свет. Все я знаю, дядя.

Добрыня мягко как-то по-доброму усмехнулся:

— Все, да не все, княже.

Тот стремительно приблизился к воеводе.

— Что ты скрываешь?! Какими еще тайнами окутана моя жизнь? Я должен знать все!

Широким рукавом Добрыня вытер выступивший на лбу пот и еле слышно выдавил:

— Я и Малуша — дети князя Мала. Из всего нашего рода Ольга оставила в живых только нас двоих и взяла к себе заложниками.

На какое-то время воцарилось молчание. Наконец Владимир тихо спросил:

— Значит, и во мне течет кровь древлянского князя Мала?

— Он — твой родной дед.

— Что же ты раньше молчал? Меня всю жизнь попрекали низкородством, а тут все наоборот. Во мне течет кровь двух великих родов! Не понимаю, зачем это скрывали, тем более от меня.

— А затем, чтобы ты не мстил Киеву за князя Мала.

— Почему же ты, дядя, не мстишь? У тебя для этого больше оснований. Как-никак, ты сын князя Мала.

Добрыня тяжело вздохнул.

— Признаюсь, княже, что соблазн пустить Киеву кровь был велик.

— И что же тебя остановило?

— Разве я похож на придурка? Зачем мне крушить свое добро?

Великий князь рассмеялся и обнял Добрыню за могучие плечи.

— За что люблю тебя, дядя, так это за ум. Ты всегда найдешь выход. Даже когда выхода нет. И с принцессой Анной что-нибудь придумаешь. Сегодня же на пиру и изложишь мне свой замысел.

И не дав Добрыне ни секунды на возражения, Владимир стремительно выбежал из опочивальни.

ЗАБАВА ТРЕТЬЯ КНЯЖЬИ ЗАМЫСЛЫ

В Киевской Руси всех князей учили пить с малолетства. Пирыв длились не менее трех дней, а то и неделю. Для таких пиров изготавливались специальные кубки и чаши. Многие были двуручные, однако их, не осушив до последней капли, невозможно было поставить, не пролив вина. Пиво, вино, хмельной мед и даже крепкий сбитень всегда наливали до краев. Тех, кто не справлялся, с позором выгоняли из-за стола. Князьям предоставлялось исключительное право пить из посуды, размеры которой до сих пор поражают воображение. И все же утром князья и воеводы, если были дела, даже не опохмелялись. Независимо от количества выпитого, они всегда крепко держались на ногах и сохраняли голову ясной. Этот секрет, к сожалению, безвозвратно утерян вместе с Киевской Русью. А как бы он пригодился в наше время! Сколько несчастий и трагедий удалось бы избежать.

Справедливости ради надо заметить, что и в то славное время далеко не все владели искусством правильного питья. Сей прискорбный факт не мог не отметить мечник Добрыни Острожко, срочно вызванный воеводой. Княжеский двор после вчерашнего пира был настолько густо завален безжизненными богатырями и настолько обильно окроплен тем, что

эти богатыри из себя извергли после обильного возлияния, что добраться до терема Добрыни, не замаравшись, не представлялось возможным. Несведущий наверняка принял бы увиденную картину за поле сечи, где только что закончилось кровавое побоище. Могучие воины буквально вповалку лежали друг на друге; протяжные тихие стоны доносились из груд поверженных тел. Поражало отсутствие мечей, щитов и других воинских доспехов. Как будто все были врасплох застигнуты невидимым врагом и повержены в один миг.

Острожко с грустью смотрел на свои новые сафьяновые сапоги. После предстоящего перехода их наверняка придется выбросить. А как потом войти к воеводе? Не босиком же! Хоть возвращайся за запасными сапогами. Добрыня же ждать не любит. В глубоком раздумье переминался Острожко возле ворот с ноги на ногу, пока его не осенила спасительная, как ему показалось, мысль.

— Помогите! — крикнул он во все горло.

Прислушался — нет ответа.

— Ау!!! Есть кто живой!

И опять никто не отозвался.

— Спасите!!! Гибну-у-у!!!

Стихли даже стоны.

Тогда Острожко прибег к крайнему и опасному призыву:

— Именем великого князя! Ради спасения Владимира!

Приказываю! Отзовись!

И тут одна из дверей княжеского терема со страшным гро-

хотом распахнулась, едва не слетев с петель. Слегка пошатываясь, на высокое крыльцо терема вышел отрок Громышало, известный всему Киеву своей силой и удалью.

— Кто тут угрожает Великому князю?

И без того щуплый Острожко произвольно съежился и хотел уже юркнуть за ворота, но обладающий отличным зрением Громышало заметил его и радостно воскликнул:

— Острожко! Что ты там стоишь?! Иди скорее сюда! А то выпить не с кем.

Мечник прекрасно понимал, как бесполезно объяснять бесхитроственному дружиннику суть своих проблем, и поэтому ответил совсем не то, что думал:

— С радостью, дружище. Только вот дойти до тебя не могу.

— Что случилось?

— Ногу подвернул, — без зазрения совести солгал Острожко и для пущей убедительности припал на левую ногу и слегка похромал.

— Так что же ты раньше молчал!? — воскликнул Громышало, широко раскинув руки. — А я на что? Считаю, что ты уже сидишь за дубовым столом.

Бесцеремонно распахивая ногами лежащие тела, могучий отрок буквально проложил себе дорогу, словно просеку в буреломе, легко взял мечника под мышку и понес в терем. Острожко не издал ни звука, но оказавшись на крыльце, легко выскользнул из объятий дружинника.

— Жди меня в большом зале. Я скоро приду, — произнес он скороговоркой и, никак не объяснив свое чудесное выздоровление, вприпрыжку помчался в покои Добрыни.

Тот уже облачился в длинную белую столу и коротал время над шахматной доской. Мечник вошел бесшумно и остановился поодаль, опасаясь своим присутствием прервать ход мыслей хозяина. Однако воевода, не поворачивая головы, жестом подозвал к себе Острожко.

— Как думаешь, когда король пожертвует любимой королевой?

Речь вроде бы шла о шахматах, но мечник сразу уловил в словах Добрыни нечто большее и ответил также двусмысленно:

— Только в двух случаях. Во-первых, если королю угрожает смертельная опасность. А во-вторых, если королева ему надоела и больше не нужна. Особенно, если такая жертва позволит добиться желаемого результата.

Воевода, забыв о шахматах, задумчиво почесал бороду. Ох и умен же этот Острожко. Холоп, а соображает лучше любого боярина. Совсем не зря Добрыня приблизил его к себе. Острожко фактически стал его главным тайным советником. Он легко находил блестящие выходы из самых безнадежных ситуаций. Поэтому без всяких кривотолков Добрыня подробно пересказал своему тайному советнику весь разговор с великим князем. Острожко внимательно выслушал и вдруг расхохотался.

— Ты что, белены объелся! — изумился воевода. — Что тут смешного?

— Самое смешное в том, что Владимир прав.

— В чем? Уж не в том ли, чтобы идти на Царьград?

— Нет, Византия нам не по зубам. Это доказал Святослав. А вот посещение Царьграда Владимиру явно пойдет на пользу.

— Ну и какой от этого будет толк?

— Простой и очевидный: он увидит, как нужно управлять огромной и могучей державой. По крайней мере, он сможет воочию лицезреть принцессу Анну.

Добрыня побагровел от ярости.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что великий князь плохо управляет Русью?

— Великая Ольга уж насколько была мудра, но и то не посчитала для себя зазорным посетить Царьград.

Заметив, что воевода слегка поостыл, тайный советник с жаром продолжил:

— Я не говорю, что Владимир плохой правитель. Наоборот, под его властью множество племен и огромные земли от Варяжского до Русского моря. Но как связать все в единый узел? Как соединить одной целью и берендеев, и вятичей, и радимичей, и полян? Как создать и укрепить великую державу, которая выдержит нашествие половцев и испытание временем? Где этому учиться, как не в Царьграде. Оттуда вот

уже тысячу лет управляют всем миром.

Добрыня внимательно слушал, поглаживая бороду широкой ладонью.

— Разумно. Беда лишь в том, что Владимира в Царьград никто не звал.

— А если поехать тайно, под видом богатого купца.

— Великий князь — купец? Не смеди меня.

Острожко живо возразил:

— Давно ли великий князь был простым сыном рабыни? Или обычным варягом? А как купец он больше увидит и больше узнает. Да и побывать в шкуре купца тоже полезно.

— Мысль хорошая, только согласится ли сам Владимир?

— Это я беру на себя, — самоуверенно заявил мечник.

— Для этого мне надо лишь одно: управление сегодняшним пиром.

— Я смотрю, что ты уже все по полочкам разложил, — язвительно заметил воевода. — Мне вот только одно неясно: как ты собираешься свести киевского купца, пусть даже и очень богатого, с византийской принцессой Анной?

— Это тоже моя забота.

Воевода недоверчиво посмотрел на мечника и после долгого молчания произнес:

— Добро, но если не справишься, пеняй на себя.

— А как справлюсь?

— Озолочу.

— Не нужно мне злата.

— Чего же ты хочешь?

— Воли.

— Ишь куда загнул! — крикнул Добрыня. — А зачем тебе воля? Чего тебе не хватает? Разве не имеешь ты всего, чего душа пожелает? Иль что надо?

— Без воли мне ничего не надо.

Воевода вплотную подошел к Острожку и пристально посмотрел ему в глаза.

— Хорошо, я дам тебе волю, но при одном условии: ты останешься у меня на службе.

— Воля — не разменная монета. Ее не разделишь на части. Она или есть, или нет.

— Но ты мне нужен.

— Добрыня, я всегда служил тебе верой и правдой. Хочу служить и дальше. Но решать буду сам.

Воевода тяжело вздохнул, снова отошел к шахматной доске, долго смотрел на деревянные фигурки.

— Так тому и быть. Но вначале выполни все, что обещал.

ЗАБАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В зале для пиров было еще ужаснее, чем на княжеском дворе. Там хоть утренний ветерок слегка освежал воздух. Здесь же отсутствовал даже намек на вентиляцию. К тому же плотность лежащих вповалку тел на заранее приготовленной соломе была значительно выше. Богатырский многоголосый храп сотрясал своды терема. Осторожно едва не стошнило. В сплошном смраде он едва различил одиноко сидящего за столом Громыхало. Окружающая среда никак не влияла на его могучий организм. Он ее попросту не замечал. Наполнив кубки вином, отрок терпеливо ждал Осторожно. Он не пил в одиночку. Увидев мечника, Громыхало радостно замахал руками:

— Где ты пропадал!?! Я весь слюной изошел. Иди скорее сюда. А то вино прокиснет.

Повторить трюк с вывихнутой ногой тайный советник не решился и, заткнув нос и стараясь ни во что не вляпаться, с трудом пробрался к столу.

— Как нога? — участливо спросил Громыхало.

Осторожно исподволь и с опаской взглянул на богатыря, опасаясь подвоха, но тот смотрел настолько искренне, что ничего не оставалось, как с глубоким чувством признатель-

ности ответить:

— Спасибо, друже. Это был всего лишь легкий вывих, но тогда ты меня здорово выручил. Сейчас я чувствую себя превосходно.

— Так выпьем же за здоровье! — поднял кубок Громыхало.

Слабенькое, но приятное на вкус греческое вино лишь освежило рот, и дружинник потянулся за амфорой. Однако Острожко решительно смахнул с дубового стола пустые кубки.

— Громыхало, ты догадываешься, почему я так долго отсутствовал?

— Не-е-т, — протяжно ответил отрок.

— Нам поручено дело чрезвычайной важности.

— Приказывай!

При этом дружинник мотнул головой, как верный и преданный пес.

— Нужно немедленно очистить княжеские хоромы и двор от пьяных и нечистот.

— Что, все на свалку? — вытаращил глаза Громыхало.

— На свалку только мусор. Все остальное грузить на телеги и в Почайну. В проточной воде они быстро очухаются. А не очухаются, так то не наша вина.

— А вельмож? — озабоченно спросил отрок, указывая на многочисленных мертвецки пьяных воевод и бояр.

— А ну их... — зло ответил Острожко, но тут же спохва-

тился, — их — в баню!

Громыхало расхохотался, повторив понравившуюся шутку:

— «А ну их в баню!» — хорошо сказано, друже. Надо запомнить. Можешь на меня положиться. Я не подведу.

После такого ответа Острожко со спокойной душой занялся другими делами. Они были весьма хлопотными и непростыми. Однако к полудню все было готово. Княжеский двор превратился в настоящую арену, посыпанную золотистым песком. Владимир с княгиней Марией восседали на резных тронах, вынесенных на высокое крыльцо. Рядом разместились Добрыня, Олаф, чуть поодаль — вся старшая дружина, умытая и протрезвевшая. Остальные расположились на дворе кругом, образовав обширную площадку посередине.

Перед началом представления богатыри выявляли сильнейшего. Всех побеждал неизвестно откуда взявшийся чужеземец. Он так легко справлялся с киевскими силачами, что даже Владимир с досады крикнул:

— Неужто перевелись на Руси богатыри?

Тут уж Громыхало, несмотря на строжайший запрет Острожко, не выдержал и рванул на арену. Он больше чем на голову возвышался над противником, и поэтому вопрос о победителе казался неуместным. Однако от первого нападения руса чужеземец увернулся, успев подставить подножку. Всей многопудовой массой Громыхало врезался в плотный песок и по инерции пропахал носом не меньше косой

сажени. Публика охнула. Дружинник тут же вскочил и, не обращая внимания на боль и кровь, снова бросился в атаку. Противник с блеском повторил тот же прием. Потом проделал то же еще несколько раз. Когда Громыхало окончательно выдохся, а зрители начали смеяться, чужеземец нанес ему короткий удар в солнечное сплетение. С минуту дружинник стоял неподвижно, вытаращив глаза, и вдруг рухнул, как подкошенный. Его еле откачали.

Владимир с нескрываемым разочарованием вручил победителю меч, но увидев, с какой радостью тот принял награду, смягчился и спросил:

— Где обучался боевому искусству?

— В Царьграде.

— Пойдешь в мою дружину?

Глаза воина на мгновение вспыхнули. Однако он тут же понурил голову.

— Я холоп.

— Чей?

— Добрынин.

Воевода уже был рядом, все слышал и спешно произнес:

— Бери его, княже. Амбал дорогого стоит, но для тебя ничего не пожалею.

А представление продолжалось. Полуобнаженные греческие танцовщицы выступили с таким блеском, что все забыли и о чужеземце, и о горечи от поражения своего земляка. Даже Олаф признался Владимиру:

— Вот это уже лучше. Даже чем-то напоминает то, что я видел в Царьграде.

Бурю восторга вызвали и чудеса византийских магов. Описывать их волшебство не имеет смысла: все равно никто не поверит, пока не увидит собственными глазами.

Далее тоже выступали только греки. Голоса певцов звучали высоко и чисто и очаровали суровых воинов. А греческий театр окончательно покори́л их сердца. Впервые киевляне увидели знаменитую трагедию Эдипа. Многие воины не могли сдержать слез. Удивительно! Сколько раз на их глазах гибли лучшие боевые соратники, но тогда никто не плакал. Даже у Владимира что-то зачесалось под правым глазом. А в конце представления Добрыня отчетливо услышал, как великий князь твердо про себя произнес:

— Все, еду в Царьград.

Этого Острожко и добивался. Добрыне осталось лишь позвать плоды, и он незамедлительно обратился к Владимиру:

— Княже, тут один знатный грек хочет тебя видеть.

— Кто такой?

— Настас, пресвитер корсунский.

— Поп... — поморщился великий князь.

— Не похож он на священника, — успокоил его Добрыня.

— У него что-то важное.

— Тогда зови.

Добрыня подал условный знак, и на княжеское крыльцо поднялся высокий крупный муж. Он больше походил на во-

ина и славянина, чем на священника и грека. Настас приветствовал Владимира легким поклоном и тут же перешел к делу:

— Великий князь, автократы Византии Василий и Константин передают тебе наилучшие пожелания и вот это послание.

С этими словами Настас извлек откуда-то из складок широкой монашеской одежды пергаментный свиток и вручил Владимиру. Тот слегка опешил. Такие приемы византийцы всегда обставляли длинными витиеватыми речами, продолжительными и нерушимыми церемониями, подношением богатых даров и т. п. и т. д. Настас поступил настолько необычно и просто, что юный князь растерялся. Он почти механически сломал печать, развернул послание и бегло его прочитал. Греческой грамоте его обучила одна из жен Марии, которая была за Ярополком, но после гибели последнего досталась Владимиру по праву победителя и по славянскому обычаю. Письмо было длинным, но смысл выражался одной фразой: императоры просили у киевского князя военной помощи. Империю одно за другим сотрясали мощнейшие восстания. Новый мятеж подняли не рабы, не земледельцы и даже не наемники, а один из самых выдающихся полководцев Византии Варда Фока. Почти вся армия была на его стороне. Судьба императоров висела на волоске.

Пока Владимир читал, он успел собраться с мыслями и оценить всю выгоду, которую давало это послание. Казалось,

сама судьба заботилось об исполнении его замыслов. Владимир моментально оценил все преимущества сложившейся ситуации. С одной стороны, у него гостила несокрушимая дружина Олафа. Великий князь до сих пор не рассчитался с ними за Киевский стол. Тут помогли и новгородцы, и киевская знать, но без варяг вряд ли бы удалось одолеть Ярополка. Предложив Олафу выгодную службу у императоров, которые не скупились, когда речь шла об их судьбе, Владимир тем самым и с варягами рассчитался бы с лихвой, и Византии оказал бы неоценимую услугу. Да и своя выгода обещает быть немалой. Удача сама шла в руки великого князя. Он внимательно посмотрел на Добрыню. Тот едва заметно кивнул, давая понять, что он в курсе и одобряет военную помощь Царьграду.

Юный князь встал и поднял правую руку, требуя тишины, хотя и так все с нескрываемым интересом следили за происходящим.

— Византия просит у нас воинов для защиты от мятежников!

Толпа взорвалась диким ревом. Дружинники уже чуяли кровь и богатую добычу. Владимир снова поднял руку, и все смолкли, как по команде, ожидая его решения.

— Я дам шесть тысяч взамен на одного человека.

— Кого? — выдохнула толпа.

Как так? Разве есть такой смертный, которого можно менять на целое войско? Или великий князь сошел с ума? Все,

затаив дыхание, ждали, теряясь в догадках.

— Принцессу Анну!

Новый, еще более мощный взрыв потряс Киев. Теперь все поняли мудрость Владимира. Появление принцессы Анны в Киеве в качестве супруги великого князя узаконивало равноправие между Русью и Византией. То, чего Святослав не смог добиться мечом в течение многих лет, Владимир достигал одним умным ходом.

— Посмотри, — обратился великий князь к Настасу, — народ ликует. Мы хотим жить с Византией в мире, любви и дружбе.

Пресвитер прекрасно понял намек юного князя, принявшего мгновенное, положительное, а, главное, принародное решение. Теперь от посланника второго Рима сложившаяся обстановка требовала адекватного и однозначного ответа. Только тогда его поймут. Сейчас бессмысленно объяснять, что судьбой принцессы Анны могут распоряжаться только ее братья-императоры, что он, Настас, всего лишь пресвитер, что Владимир не христианин и т. п. и т. д. Уклончивый ответ поставит под сомнение оказание Русью немедленной военной помощи Византии. Судьба Константинополя решалась в Киеве. Однако, превышение своих полномочий грозило Настасу смертной казнью. Византия содрогнется, когда узнает, что принцесса Анна отдана варвару, отец которого не так давно привел в трепет всю империю своими стремительными походами.

Настас размышлял недолго. Он поцеловал золотой крест, висевший у него на груди, троекратно перекрестился и громкогласно провозгласил:

— Принцесса Анна будет твоей!

После этих слов все сказанное приобретало силу клятвы. Настас сжег все мосты к отступлению. Теперь оба должны были или выполнить свои обещания, или умереть.

ЗАБАВА ПЯТАЯ

РОЗЫГРЫШ

Добрыня радостно потирал руки:

— Ну вот, княже, не успели мы задумать, как все вышло по-нашему: и с варягами рассчитаемся, и Византия будет перед нами в неоплатном долгу, и, главное, принцесса будет твоя. Даже визит в Царьград не понадобится.

— Ну уж нет, — возразил Владимир, — Царьград я все равно навещу.

— Но зачем?

— После сегодняшнего представления я просто мечтаю увидеть Византию своими глазами.

Воевода протяжно застонал:

— Княже, я только что раскрыл подлог.

— Какой? — гневно сверкнул очами великий князь.

— Оказывается, сегодня нас развлекали не греки, не римляне, а обыкновенные шарлатаны. Они выдали себя за греков, чтобы завлечь народ и заломить бешеную цену.

Владимир лишь расхохотался.

— Вот и прекрасно! Если мы видели лжегреков, то представляешь, какими будут настоящие! Нет, я еду.

— Да мы их сюда доставим! — отчаянно воскликнул Добрыня. — Я беру это на себя.

— А принцессу тоже доставишь? — язвительно спросил великий князь.

— Настас же дал клятву, что принцесса будет твоей.

— Не в этом дело, — хитро улыбнулся Владимир. — Не ты ли, дядя, давеча меня убеждал, что она может быть недостаточно хороша. А вдруг и вовсе уродина. Вот в Киеве смеху-то будет.

Юный князь подошел к воеводе, положил ему руку на плечо и уже серьезно добавил:

— Решено — я отправляюсь в Царьград. Сборы и всю подготовку к походу поручаю тебе, Добрыня. Не теряй времени попусту.

Из княжеских покоев воевода выскочил, как ошпаренный.

— Острожко!

Тот вырос, словно из-под земли.

— Что случилось, хозяин? Неужто все раскрылось?

— Раскрылось, раскрылось, да только не в том беда.

— А в чем же?

— Переусердствовали мы с тобой, Острожко. Великий князь спешно в Царьград засобирался.

— Прекрасно! Лихо мы все провернули.

— От твоего лихачества сплошное лихо, — зло скалambuрил воевода и разъяснил:

— Принцесса Анна и так уже наша. Навещать императоров нет никакой нужды.

— Вот те на, — развел руками Острожко. — И что же теперь делать?

— Не знаю. Ты заварил кашу — ты и расхлебывай. Только Владимир должен отказаться от Царьграда.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — согласился тайный советник.

Он хорошо понимал, как опасно в такие минуты перечить воеводе и доказывать, что посещение Византии все равно пошло бы Владимиру на пользу.

— Ну и что же ты надумал? — сурово спросил Добрыня.

— Я так быстро даже по нужде бегать не умею, — дерзко ответил холоп и тут же, пока воевода не успел раскрыть рта, предложил:

— Можно поговорить с волхвами. Уж они-то на все пойдут, чтобы не допустить отъезда великого князя.

Воевода уже занес руку для увесистой оплеухи, но после последних слов Острожко лишь задумчиво почесал затылок.

— Дельная мысль. Только говорить с волхвами не надо. А то выйдет, что мы с ними в заговоре. Они и так не будут сидеть сложа руки. Нам надо лишь глаз с них не спускать. Ты меня понял?

— Наушником никогда не был и не буду.

На этот раз тайный советник не успел увернуться. Огромный кулак, подобно боевой палице, обрушился на шупленького Острожко. Красная шапка полетела в одну сторону, а тайный советник в другую. Несмотря на ясный день, в глазах

потемнело. Ох и тяжела же у Добрыни рука.

— Холоп! Ты еще смеешь мне дерзить! Я тебя на свободу пока не отпускал. Так что делай, что велено. И смотри: ни шагу без моего ведома.

Не дожидаясь ответа и даже не глядя на Острожко, воевода удалился. Тайный советник со стоном поднялся с земли, отряхнул шапку и поплелся искать Громыхало, держась за разпухшую щеку. Тот, весь в побоях и ссадинах, молча лежал в гриднецкой на лавке, но в глазах стояла такая боль — хоть плачь.

— Ты постони, постони, — полегчает, — посоветовал Острожко.

Богатырь перевел взгляд на тайного советника и невольно улыбнулся:

— А тебя кто так разукрасил?

— Да с Добрыней слегка повздорил.

— И за что он тебя так?

— За верную службу.

Дружинник тяжело вздохнул.

— Чем больше стараешься, тем больше получаешь туманков.

— Тебе легче, Громыхало. Ты свободный человек и вышел на бой по собственной воле. А я холоп. Меня бьют, не спрашивая.

— Не горюй, друже, будет и на нашей улице праздник.

— Будет, друже, обязательно будет.

Пока два горемыки делились друг с другом своими бедами, Добрыня караулил Олафа. По расчетам воеводы, тот вот-вот должен был нанести визит великому князю. Ярл наверняка сделает все, чтобы Владимир именно его дружину послал в Византию, и Добрыня был просто обязан присутствовать на этой встрече. Все должно быть разыграно, как в шахматах.

Викинг не заставил себя долго ждать. К терему Владимира он двигался так стремительно, словно шел на штурм вражеской крепости. Добрыню он и не заметил, и воевода поспешно рванул наперерез.

— Будь здоров, ярл.

— Будь здоров, воевода, — не останавливаясь, ответил викинг.

— Уж не к великому ли князю спешишь?

— Откуда ты знаешь?

— Да я сам к нему тороплюсь.

— И зачем?

— Буду проситься на службу в Царьград.

Подняв кучу пыли, Олаф резко затормозил и вперил огненный взор в Добрыню.

— Как?! Ты — в Царьград?

— Само собой. Кто же откажется от такого лакомого кусочка. Императоры за хорошую службу злата не пожалеют. Тут, в Киеве, столько за сто лет не наскрести. Думаю, Великий князь меня отпустит. Не один год служил ему верой и

правдой. Заслужил же я хоть какую-то награду.

Добрыня говорил доверительным тоном, словно открывал близкому другу сокровенную тайну. И вдруг спросил:

— А ты зачем торопишься к Владимиру?

К тому времени Олаф уже никуда не спешил, а лишь ошалело смотрел на воеводу. Тот даже стал опасаться, как бы викинг не отказался от своих замыслов в его, Добрынину, сторону. На этот счет воевода явно заблуждался. Викинг быстро пришел в себя и вместо ответа посоветовал:

— Послушай, Добрыня, не ходи к великому князю.

— Это почему же?

— Потому что я сам пойду в Царьград.

Воевода изобразил крайнее изумление.

— Как?! И ты? Вот это новость! Ты же только что из Византии. Раз там так хорошо, то чего не остался? Чего бегаешь то туда, то сюда?

— Тебя не спросил, — огрызнулся ярл, все больше наливаясь яростью.

Добрыня попал не в бровь, а в глаз. Самостоятельные попытки Олафа попасть на службу к императорам ни к чему не привели. Правители Византии откровенно опасались и не доверяли варягам. Поэтому викинги вернулись из Царьграда несолоно хлебавши, пограбив по дороге лишь мелкие селения. Воевода умышленно задел викинга за живое, но вида не подал, а лишь лукаво вздохнул:

— А я, старый дуралей, тебе все раскрыл. Ну да ладно,

теперь ничего не попишешь. Пойдем вдвоем. Пусть великий князь нас рассудит.

— Нет! — оскалился Олаф.

— Как так? — не понял Добрыня.

— Да я просто тебя не пущу к князю, — пояснил викинг, обнажая меч.

Воевода моментально сделал то же самое, и противники сошлись в жаркой схватке. Тут же сбежалась толпа зевак. Драки и поединки были для Киева не редкостью, но всегда вызывали неизменный интерес прохожих. С гиканьем и свистом окружив дерущихся, они подбадривали то одну, то другую сторону и следили за тем, чтобы все было по правилам.

А когда в честном бою сходились вельможи, то тогда сбегался весь Киев. Однако на этот раз зрителей ждало разочарование. Не успели противники и пару раз махнуть мечами, как на крыльцо вышел великий князь.

— В чем дело? Что не поделили, други?

— Византию, княже, — не прекращая боя, ответил Добрыня.

— Тогда опустите мечи, или я тоже достану свой.

Противники остановились и недоуменно уставились на Владимира.

— Я сам пойду в Византию.

— А мы? — в один голос спросили Олаф и Добрыня.

— А вы что? Только меня будете позорить!

Воеводы быстренько вложили мечи в ножны и бросились

к великому князю.

— Княже, ты же меня знаешь, — забормотал Добрыня, но ярл его перебил:

— Негоже великому князю идти в наемники!

— Отчего же? Ты не ниже меня по знатности. Как-никак, королевских кровей.

— Что ты сравниваешь! — возмутился Олаф. — У тебя необъятная держава, а у меня только меч да верная дружина.

— С доброй дружиной и злата добудешь, и земли завоюешь. А в Царьград идти ты меня сам надоумил. Помнишь, как расхваливал тамошних красоток? Да и долг тебе надо отдать по две гривны с дыма. Вот добуду злата у императоров и с тобой рассчитаюсь.

Олаф расхохотался.

— Так вот в чем дело! А ты пошлешь меня в Византию, если я откажусь от долга?

Теперь игра пошла в открытую, и Владимир честно признался:

— А что мне делать? Где я еще возьму столько злата?

— Так и быть, — согласился Олаф, — я меняю твой долг на службу у императоров.

Добрыня облегченно вздохнул и все же он встрял в разговор:

— Княже, а как же я? Неужели я не заслужил того же?

Владимир с улыбкой похлопал воеводу по плечу.

— Заслужил, дядя, заслужил. О тебе мы поговорим за

кубком доброго вина. А то горло давно пересохло.

Обняв воевод за плечи, Великий князь повел их в свои покои под шумные одобрительные крики.

ЗАБАВА ШЕСТАЯ

ЗАГОВОР

Далеко не все радовались успеху Владимира даже в княжеской свите. Мрачнее тучи выглядели знатные киевские бояре Блуд и Волчий Хвост. Ярые приверженцы старой веры, они в свое время предали Ярополка, сторонника христианства, и поддержали Владимира только потому, что тот обещал свято блюсти заветы предков. Вначале новый князь полностью оправдывал надежды киевских бояр. За княжеским теремом устроили целый пантеон языческих богов во главе с Перуном. Голову ему изготовили из серебра, а усы из золота. Один его вид приводил всех в ужас. А культ приношения человеческих жертв наводил на людей такой страх, что даже отцы и матери безропотно отдавали своих детей на заклятие.=

Человеческие жертвоприношения позволяли местной знати держать в руках весь город.

Однако, в последнее время почва стала уходить у них из-под ног. Владимир остыл к языческому святилищу и все больше помышлял об иной вере и едином боге. Он охотно принимал и легатов римского папы, и посланников волжских болгар, славивших Магомета, и даже иудеев. Великий князь пока колебался, но визит в Византию вполне мог окончатель-

но склонить его к принятию христианской веры. Ни в коем случае нельзя было допустить этой поездки.

Бояре, не сговариваясь, молча покинули княжеский двор и направились к расположенному неподалеку терему Блуда.

— А может напрямую поговорить с Владимиром? — спросил по дороге Волчий Хвост. — Глядишь, прислушается к твоему совету. Помнишь, как говорил: «Буду почитать тебя вместо отца».

Блуд криво усмехнулся.

— Тогда он еще был неоперившимся юнцом. А сейчас вон каким соколом вымахал. К чему соколу советы какого-то старика.

— И соколам крылья подрезают, — запальчиво произнес Волчий Хвост. — Мы Владимира на киевский стол посадили, мы его оттуда и снимем.

— Думай, что говоришь, — осадил горячего боярина более опытный Блуд. — Владимир — последний сын Святослава. Да и тот от рабыни. Кто, кроме него, может сесть на киевский стол?

— А сыновья Владимира? Вон их сколько — целый выводок. Хоть Ярослава бери, хоть Изяслава, хоть Святополка...

— Так они все малые.

— Вот и добре. Не будут нам мешать. Ты сам говорил, что неоперившимся соколам наши советы ох как нужны.

От такого поворота Блуд остановился, натужно засопел и яростно заскреб лохматую бороду.

— Это, друже, надо хорошенько обмозговать за крепким сбитнем.

Волчий Хвост радостно оскалился.

— Именно крепким. А то от княжеских вин только живот пучит. Одно расстройство.

К тому времени бояре дошли до блудовых владений. Холопы торопливо открыли калитку. Заговорщики немедля уселись за дубовый стол, уставленный всевозможными яствами и напитками. К разговору вернулись лишь после обильного возлияния и сытного угощения.

— Так-то оно так, — многозначительно произнес Блуд, облизывая жир с толстых коротких пальцев, — только сейчас Владимира голыми руками не взять. После стольких успешных походов народ против него не пойдет.

Сотрапезник удрученно кивнул головой.

— Да, выкормили змееныша. Теперь он нас ни во что не ставит. Да что там нас! Богов наших предков ногами попирает! А если в Царьград попадет, то, разрази меня Перун, без креста оттуда не вернется.

Блуд хитро прищурился.

— Может, и не вернется. И не только без креста.

Волчий Хвост все понял с полуслова и нервно расхохотался:

— Значит, скатертью дорожка. Пушай катится в Византию, коли она ему любя. Там мы его и встретим в темном углу. Ха-ха-ха! Там пропажу какого-то князя, почитай, никто

и не заметит.

— Рано смеешься. Владимир еще никуда не уехал.

— А мы его поторопим.

— Как?

— Советом. Добрым боярским советом.

— Хорошо, но мало.

— Тогда наливай, — пошутил Волчий Хвост и уже серьезно добавил:

— Советом и жертвой.

— Вот! — поднял Блуд указательный палец. — Благоприятное жертвоприношение окончательно убедит князя.

— Тут простой жертвой не обойтись.

— А как же, нужна человеческая кровь во славу Перуна.

— И не просто человеческая, — заметил Волчий Хвост.

— Княжеская, что ли? — язвительно спросил Блуд. — Я прикажу тебе больше не наливать.

— И меньше тоже, потому что во славу Перуна должна пролиться христианская кровь. И Владимир должен сам принести эту жертву. Когда в Царьграде об этом узнают, не видать ему Анны, как своих ушей. Если и останется живым, то явно некрещеным.

Слушая боярина, Блуд от удовольствия громко похрюкивал.

— Добре говоришь, друже. Сегодня же, как стемнеет, навестим волхвов. А завтра... А завтра держись, великий князь.

ЗАБАВА СЕДЬМАЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Ранним утром следующего дня в Киеве ударили в билу. С Подола, с Горы, отовсюду заспанные жители потянулись к торжищу, где проходили народные собрания. Разбуженный гулким звоном билы, Добрыня срочно вызвал Острожко.

— Что случилось? Кто посмел созывать народ без княжьего ведома?

— Волхвы. Кто же еще. Видно, кровожадный Перун проголодался.

— Я так и знал, — насупился воевода.

— Предзнаменования наверняка окажутся неблагоприятными, и Владимиру настоятельно посоветуют остаться в Киеве. А нам это на руку.

Воевода лениво зевнул.

— Ну, тогда я еще посплю. А ты гляди в оба. Мало ли что.

— Отдыхай. Я все устрою, — самоуверенно ответил Острожко и направился на площадь.

Вначале все шло как по маслу. Волхвы потребовали жертвоприношений и повели народ на языческий пантеон, окруженный высоким частоколом из заостренных бревен. На многие из них были насажены головы медведей, зубров, волков, орлов и более мелких зверей и птиц. Особенно устра-

шающе выглядели человеческие черепа. По древним преданиям они наводили ужас не только на людей и зверей, но и на всю нечистую силу.

Через раскрытые ворота толпа влилась внутрь святилища, где перед статуями шести богов уже горели жертвенные костры. Волхвы поочередно поднесли богам, начиная с Перуна, стоявшего в центре, хлеб, вино, яйца; заклали курицу, барана, буйвола. И каждый раз верховный волхв провозглашал, что боги не приняли жертву.

Наблюдавший за происходящим Острожко хитро шурился в ожидание развязки.

— Перун разгневан! — прокричал волхв. — Бог требует человека!

Толпа ахнула. На каждого из присутствовавших мог пасть роковой жребий. Тут же вынесли мешок с деревянными табличками. На них таинственными рунами, известными лишь немногим посвященным, были начертаны имена всех жителей Киева. Мешок тщательно потрясли и поднесли верховному волхву. Тот запустил в него руку, достал одну из табличек и торжественно провозгласил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.